

КОММУНИКАТИВНЫЕ

СТРАТЕГИИ КУЛЬТУРЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

В. И. ТЮПА

 ИСКУРСНЫЕ
ФОРМАЦИИ

Очерки
по компаративной
риторике

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2010

УДК 80/81
ББК 83.3Р
Т 98

*Издание подготовлено в рамках Программы Президиума РАН
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России»
и Интеграционного проекта СО РАН «Сюжетно-мотивные комплексы русской
литературы в системе контекстуальных и интертекстуальных связей
(общенациональный и региональный аспекты)»*

Редакционный совет серии:

*М. М. Гиришман (Донецкий ун-т, Украина), М. Н. Дарвин (РГГУ, Москва),
И. В. Силантьев (председатель, Ин-т филологии СО РАН, Новосибирск),
Ю. Л. Троицкий (РГГУ, Москва), В. И. Тюпа (РГГУ, Москва),
Ю. В. Шатин (Новосибирский гос. ун-т), В. Шмид (Гамбургский ун-т)*

Тюпа В. И.

Т 98 Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 320 с. — (Коммуникативные стратегии культуры).

ISBN 978-5-9551-0447-8

Книга посвящена компаративному изучению культуры в коммуникативном аспекте. Тексты разнообразной природы рассматриваются как явления дискурсивных практик общения, принадлежащих к различным типам ментальности. Исследование носит междисциплинарный характер. Очерки теоретического содержания дополняются практическими опытами компаративно-дискурсного анализа, что представляет собой разработку проблематики и метаязыка одного из перспективных направлений дальнейшего развития неориторики.

ББК 83.3Р

*В оформлении переплета использована картина
В. Ван Гога «Звездная ночь» (1889)*

Валерий Игоревич Тюпа

ДИСКУРСНЫЕ ФОРМАЦИИ

Очерки по компаративной риторике

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Т. Васянина. Оригинал-макет подготовлен Л. Гоготовой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 14.10.2010. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20. Тираж 800. Заказ № К-4315

Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.

Phone: 95-95-260 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия». 428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13

ISBN 978-5-9551-0447-8

© В. И. Тюпа, 2010

© Языки славянской культуры, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	7
------------------	---

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

<i>Очерк первый.</i> Менталитетная компаративистика	11
<i>Очерк второй.</i> Онтология коммуникации.....	49
<i>Очерк третий.</i> Актуальность неориторики.....	75
<i>Очерк четвертый.</i> Стадиальная типология дискурсных формаций.....	100
<i>Очерк пятый.</i> Дискурсные формации и компаративная нарратология	141
<i>Очерк шестой.</i> Теория как перформативная практика	168

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

<i>Очерк седьмой.</i> Ментальные кризисы культуры в компаративно-риторическом освещении (Жоашен Дю Белле и Булат Окуджава).....	183
<i>Очерк восьмой.</i> Классицистическая парадигма художественности и становление любовного дискурса.....	209
<i>Очерк девятый.</i> Два <i>Silentium</i> 'а и гомеровский гимн	239
<i>Очерк десятый.</i> Чеховский нарратив как дискурс ответственности.....	254
<i>Очерк одиннадцатый.</i> Метаболический дискурс Тейяра де Шардена	275
<i>Очерк двенадцатый.</i> «Диалог согласия» как неориторический проект Бахтина.....	294
<i>Вместо заключения.</i> Постмодернизм как ментальный кризис	307
Именной указатель	316

Предисловие

В последние десятилетия немало говорилось и писалось о недостаточной определенности компаративистики, о расплывчатости границ данной области научного познания, где неизгонимая позитивистская архаика тесно соседствует и переплетается и с методологическими откровениями XX столетия, и с постструктуралистской произвольностью.

Расхожим определением компаративистики является следующее: «сравнение двух или более литературных произведений, созданных в разных языковых культурах»¹. Однако уподобление и расподобление наблюдаемых явлений служит универсальным средством их познания. Разноязычность сопоставляемых текстов — момент, бесспорно, существенный, но методологически непринципиальный. Наличие сравнительного рассмотрения отдельных фактов в историческом исследовании еще не свидетельствует о «компаративности» его методологии, а если сопоставление не носит исторического характера, то идентифицировать его как компаративистское и вовсе нет оснований.

Современная компаративистика сформировалась под решающим влиянием «Анналов» М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя. И тем не менее в редакционной статье «Анналов» за 1988 год вновь был сформулирован призыв «более глубоко разработать компаративный метод, о необходимости которого говорится постоянно, но который применяется лишь в виде исключения»². Нижеследующие очерки — один из возможных откликов на этот призыв, разрабатывающий дискурсоведческую проблематику современной (неклассической) риторики и коммуникативистскую типологию модусов сознания как Мы-, Он-, Я- и Ты-ментальностей.

---

¹ Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. М., 2004. С. 188.

² «Анналы» на рубеже веков. Антология. М., 2002. С. 13.

Одновременно предлагаемая вниманию читателя книга — отклик на призыв моего давнего студенческого друга Михаила Эпштейна освободиться от страдающего зависимостью «пост» мышления, воспринять современность не «под знаком “пост”», а «как “прото”, как подступ к новой эпохе, набросок новой культурной формации»³.

Разрабатываемая в ответ на эти призывы версия неориторики в основе своей ориентирована на «реонтологизацию» гуманитарных исследований и методологически противостоит агрессивному «ниспровержению онтологического фундамента рациональной науки»⁴, осуществляемому деконструкционистской эпистемологией Жака Дерриды, его единомышленников и эпигонов. В отличие от Дерриды, последовательно отрицавшего возможность своей «грамматологии» как науки, находятся продолжатели, придающие «проекту грамматологии статус научного знания», усматривая в этом «процедуру делегитимации научного статуса филологии» и отводя ей место «в ряду тех наук прошлого, исторический факт существования которых может вызывать сегодня разве что антропологический интерес»⁵. Подчеркну, что развиваемая мною версия неориторики при всей своей инновационности подобного отношения к филологической традиции решительно не приемлет.

Книга делится на два раздела. Первый составили очерки теоретического содержания, включая разработку риторических характеристик самого теоретизирования. Здесь предлагается обоснование неориторики коммуникативных стратегий, ведению которой подлежат — в конечном счете — не только вербальные, но и иные сферы и способы коммуникативного взаимодействия людей. Специальное внимание было уделено возможностям неориторического подхода к некоторым актуальным нарратологическим проблемам: событийности и анарративности.

Во втором разделе представлены опыты компаративно-дискурсного анализа. Тексты разнообразной природы рассматриваются как явления дискурсивных практик⁶ общения, принадлежащих к

---

³ Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М., 2005. С. 466.

⁴ Урусиков Д. С. Грамматология. Т. 1: Нарратология. Липецк, 2009. С. 203.

⁵ Там же. С. 196, 205.

⁶ Следует, по-видимому, оговорить и подчеркнуть нетождественность часто используемых в книге слов «дискурсный» (относящийся к дискурсу как результату, — например, дискурсный анализ) и «дискурсивный» (относящийся к дискурсии как процессу, — например, дискурсивная практика).

различным типам ментальности. Автор надеется, что неоднократное применение вводимых в теоретическом разделе категорий на весьма разнородном материале поможет терпеливому читателю освоиться в кругозоре компаративной риторики.

Существенное место в очерках второго раздела отведено неориторической трактовке художественных и, в частности, стихотворных текстов, чей статус в культуре длительное время представлялся столь своеобразным, что выводил их за рамки классической риторики, требуя для себя поэтики. Художественная словесность являет собой высшую форму вербально-коммуникативной культуры. Поэтому аналитический опыт, накапливаемый в исследованиях художественного письма, обладает значительным эвристическим потенциалом при обращении к дискурсам иного рода. Тем более что обсуждаемые в книге дискурсные формации едины для самых различных сфер и практик текстообразования.

Очерки — не главы, хотя они концептуально едины и располагаются в неслучайной последовательности. В принципе их можно читать по отдельности и почти в любом порядке. Особое положение среди них принадлежит очерку четвертому, где эксплицируется система категорий, составляющая аналитический инструментарий всех последующих исследований. Этот инструментарий сведен для наглядности в «Сопоставительную таблицу дискурсных формаций».

Относительная автономность очерков вынуждала иногда прибегать к повторам, в особенности, некоторых ключевых цитат, если они представлялись действительно необходимыми и в одном, и в другом контексте. Особенно часто цитируется М. М. Бахтин, продолжением «металингвистических» поисков которого мне представляются предлагаемые вниманию читателя очерки. Для экономии места ссылки на работы Бахтина из Собрания сочинений в 7 томах (издание ИМЛИ) даются не в сносках, а непосредственно в тексте: в скобках указываются том (первая цифра) и страницы (последующие цифры); ссылки на издание «Эстетика словесного творчества» (М., 1979) сокращенно обозначаются, как это принято, ЭСТ; на «Вопросы литературы и эстетики» (М., 1975) — ВЛЭ. Курсив во всех цитатах принадлежит Бахтину и другим цитируемым авторам.

Завершить это краткое предисловие я хочу словами благодарности Институту филологии Сибирского отделения РАН, где я имел честь когда-то работать, и его директору чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановской — за поддержку в издании данной книги. А еще я душевно признателен моим соратникам по альманаху «Дискурс» И. В. Силантьеву, Ю. Л. Троицкому и Ю. В. Шатину (приобщившему меня к неориториче-

ке), моим зарубежным, но духовно близким коллегам Александру К. Авеличеву, М. М. Гиршману, Игорю П. Смирнову и Вольфу Шмиду, коллегам по кафедре и давнишним близким друзьям Н. Д. Тмарченко и М. Н. Дарвину, а также, увы, уже покойным Г. А. Белой, С. Н. Бройтману, Э. А. Бальбурову. Дружба и, по слову Бахтина, «диалогические отношения» со всеми этими столь различными людьми существенно повлияли на течение мысли, приведшее к появлению предлагаемых очерков.

И, наконец, я приношу свою самую глубокую благодарность всем моим ученикам и слушателям читавшихся мною курсов, студентам, аспирантам, докторантам. Ибо поистине первична в науке фигура Ученика, то есть вопрошающего. Во всяком случае, о себе могу с уверенностью сказать, что без возможности, необходимости и потребности объяснять другим приходившие в голову соображения, я бы многого не осознал и не осмыслил из того, что здесь записано.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Очерк первый

Менталитетная компаративистика

Курс истории не показывает нам становления вещей,
чуждых нам, а показывает становление нас самих.

Гегель

1

Предмет всякого исторического познания — присутствие человека в мире. Таково содержание историзма Нового времени от Вико и Гегеля до Ясперса, размышлявшего об историчности как конечности (временности) человека в бесконечности (вечности) универсума, и до «новых историков», возвращающих историографию в лоно беллетристики. Время человеческого присутствия в мире (История) — это время, обладающее смыслом, и потому подлежащее интерпретации, антропному (гуманитарному) пониманию. Вследствие этого, как замечает Хейден Уайт, мы неизбежно вынуждены «выбирать между конкурирующими интерпретативными стратегиями при любой попытке рефлексии над историей-в-целом»¹.

Человек как ключевой фактор истории — феномен амбивалентный. Он есть одновременно: а) закономерное явление природы и б) свободное (самоопределяющееся в своей индивидуальности) явление духа (сознания). Вследствие этой двойственности методологическое поле «конкурирующих интерпретативных стратегий» историзма располагается между двумя полярными доктринами: доктриной *событийности* (история — казусная цепь необратимых и непредсказуемых событий) и доктриной *процессуальности* (история — непреложный в своей закономерности процесс развития).

---

¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. С. 20.

Обеим этим доктринам компаративный подход к явлениям истории чужд. Первая доктрина предполагает окказиональность исторического процесса и не оставляет места для глубоких сравнений: ряды случайностей несопоставимы. Вторая — предполагает всеобщность законов истории и делает глубокие сравнения излишними: различия будто бы затрагивают лишь поверхностные проявления чего-то принципиально однородного.

С точки зрения идиографической доктрины событийности, понятие законосообразности не применимо к ходу Истории, что утверждалось, в частности, Генрихом Риккертом, а позднее Карлом Поппером. В отличие от процесса событие, то есть «то, что могло произойти по-другому»², неотделимо от позиции (точки зрения) интерпретатора. По характеристике М. М. Бахтина, «главное действующее лицо события — свидетель и судия» (ЭСТ, 341).

Следование доктрине событийности ведет к нарративизации исторического знания, тогда как классический научный дискурс, сформировавшийся в науках о природе, анарративен. «Учитывая протонаучную природу исторического исследования», Уайт предлагает историку ограничиваться в своих высказываниях нарративной модальностью и тем самым «избежать опасностей «сциентизма» — лицемерного подражания научному методу и непропорционального присвоения авторитета науки»³.

Нарративный дискурс свое референтное содержание (ход событий) не обобщает, а напротив, индивидуализирует, связывая факты некоторой «интригой». Обобщение здесь присутствует имплицитно в качестве картины мира, составляющей фон происходящего (с избранной нарратором точки зрения), поскольку событие как «значимое отклонение от нормы [...] зависит от понятия нормы»⁴. Доктрина событийности по сути своей означает возврат историографии к ее риторическому (донаучному) пониманию: в контексте классической риторики деятельность, вдохновляемая музой Клио, была нарративным ремеслом (техне) рассказывания о событиях прошлого.

С позиций номотетической доктрины процессуальности, напротив, события — это всего лишь «пена» Истории. «В бездонной тьме прошлого, — писал, например, Фернан Бродель, — действовал все же более или менее последовательный своего рода физический закон»⁵.

² Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. М.; СПб., 2000. С. 115.

³ Уайт Х. Метаистория. С. 40.

⁴ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 283.

⁵ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1. М., 2002. С. 215.

Поэтому «при всем своем очаровании города Средиземноморья похожи на другие и подчинены тем же закономерностям. Как и все остальные, они живут за счет покорения пространства с помощью сбегающих к ним дорог»⁶ и т. д. С точки зрения школы «Анналов», от ее основателей до современных продолжателей, все «собственно историческое» является эволюцией, «неравномерной, необратимой, непредсказуемой и предопределенной [...] Анализировать это движение — единственный способ отказаться от убогого событийного повествования»⁷.

Изучение Истории как процесса ориентировано на основополагающий критерий научности, сформировавшийся в Новое время: на воспроизводимость результата в опыте других исследователей. При этом следование доктрине процессуальности ведет к анарративной модальности научного дискурса, предполагающей изложение не того, как было однажды, но того, как вообще бывает в аналогичных ситуациях. Такое изложение редуцирует событийную «пену» индивидуальных подробностей и реализует соответствующую — экспликативную, объяснительную — стратегию интерпретации фактов: «Хорошая историческая книга — это система прочно связанных между собой экспликативных положений»⁸. В конечном счете, доктрина процессуальности ведет к растворению историографии в теоретической научности, исследующей сущность явлений, а не их существование.

Невозможно, однако, отрицать известную долю адекватности обеих доктрин трактуемой ими исторической реальности. Уайт, например, убедительно говорит о «взаимно исключающих, хотя и равно законных интерпретациях» одних и тех же фактов и как «ряда исторических событий», и как «сегмента исторического процесса»⁹.

Дело, по-видимому, в том, что *взаимодополнительность* процессуальности и событийности составляет фундаментальную онтологическую характеристику как исторической реальности в целом, так и каждого наималейшего «кванта» исторического опыта в частности. Из осознания такой взаимодополнительности вытекает отмечаемая И. П. Смирновым современная тенденция к «совмещению континуального моделирования истории с дискретным»¹⁰.

⁶ Бродель Ф. Указ. соч. С. 430.

⁷ «Анналы» на рубеже веков. Антология. М., 2002. С. 17.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Уайт Х. Метаистория. С. 493.

¹⁰ Смирнов И. П. Социософия революции. СПб., 2004. С. 334.

Здесь можно говорить о существенной аналогии с физической взаимодополнительностью, выражаемой принципом соотношения неопределенностей Вернера Гейзенберга. Доминирование корпускулярных или волновых свойств в поведении микрочастицы зависит от исследовательской позиции наблюдателя, но ни одна из этих сторон не может быть вполне элиминирована. То же самое можно сказать и о событийно-процессуальной двойственности исторических явлений.

С аналогичной двойственностью своего предмета имеет дело и психология, в частности, социальная (социокультурная). «Несомненно, — полагает Джеймс Верч, — существуют как универсальные, так и специфически социокультурные черты человеческой психики, и это не просто выбор между здравыми и ошибочными допущениями, — скорее это выбор между двумя различными программами исследований, и обращаться надо к ним обеим, а по возможности и объединять их»¹¹.

Противостояние указанных доктрин питает затянувшийся на целое XX столетие кризис историзма. Поиск равновесия между процессуальностью и событийностью демонстрируют «Анналы» последнего периода, определяя «предмет истории» как «процессы, в пределах которых социальные персонажи заново определяют устройство социума — сообразно с тем, что они предполагают сделать и делают»¹². Иначе говоря, История мыслится законосообразным процессом, в лоне которого людьми совершаются инициативные деяния событийного характера.

Итак, усмотрение взаимодополнительности универсального и уникального в исторической реальности составляет исходную позицию современной компаративистики — этого «третьего» пути между Сциллой идиогрфии и Харибдой номотетики.

2

Европейское историческое мышление Нового времени зародилось как исходно компаративное, сформировав понятие исторического процесса в качестве специфически человеческой формы эволюции. Этому посвящены важнейшие метаисторические рефлексии XVIII столетия от «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) Джамбатисты Вико до «Идей о философии истории человечества» (1774) Иоганна Г. Гердера.

Решающей вехой возникновения компаративистики можно считать 1820 год, когда Вильгельм фон Гумбольдт выступил со своим

¹¹ Верч Дж. Голос разума. М., 1996. С. 16.

¹² Там же. С. 18.

классическим докладом «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития», где сформулировал фундаментальную интенцию компаративного языкознания: «Сравнение языков может показать, каким различным образом человек создал язык и какую часть мира мыслей ему удалось перенести в него, как индивидуальность народа влияла на язык и какое обратное влияние оказывал язык на нее. Ибо язык и постигаемые через него цели человека вообще, род человеческий в его поступательном развитии и отдельные народы являются теми четырьмя объектами, которые в их взаимной связи и должны изучаться»¹³.

Следует подчеркнуть, что открывшееся европейской науке грандиозное многообразие национальных языков не отменяло для Гумбольдта проблемы человеческого языка как явления единого по своей глубинной духовной сущности. Но утвердившийся в науке XIX века позитивизм, избегая небесспорных обобщений, сосредоточился на внешнесобытийной стороне исторической реальности, не на общих, а на частных и преходящих целях человеческой жизнедеятельности. Отказавшись от идеи «рода человеческого в его поступательном развитии», сосредоточившись на многообразии «отдельных народов» и казусах их межкультурных связей и отношений, позитивистская компаративистика ограничила открывшуюся ей сферу познания горизонтом фактографии межнациональных контактных взаимодействий: влияний и заимствований.

Принципиальное значение для углубления сравнительно-исторической методологии имели многочисленные компаративные изыскания по этнографии и антропологии, прежде всего — «Исследования в области древней истории человечества» (1865) и «Первобытная культура» (1871) Эдварда Б. Тайлора, а позднее «Золотая ветвь» (1890) Джеймса Дж. Фрэзера.

Решительный и продуктивный шаг в сторону преобразования позитивистской компаративистики был осуществлен А. Н. Веселовским. Открывая в Санкт-Петербургском университете кафедру истории всеобщей литературы, Веселовский в лекции «О методе и задачах истории литературы как науки» характеризовал «сравнительный» метод как «развитие исторического». Под «историческим» он в духе своего времени разумел генетический подход, рассматривающий происхождение литературного произведения как по отношению к национальной традиции, так и по отношению к инокультурным влияниям. Путь, который приведет Веселовского к построению исторической

¹³ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 311.